

Наибольшей резкости обличение литературного сервилизма достигло у А. Н. Радищева. Рассматривая явление в историческом аспекте и явно имея в виду настоящее, поэт при характеристике «века Августа» ввел в число «льстецов наемных» Горация и Вергилия.¹⁵ Далее в «Песни исторической» следует инвектива общего характера:

О умы, умы изящны,
Та ли участь мусс, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев?

Эти стихи — одно из самых сильных в русской поэзии выступлений против сервилизма в любых его формах.

Впрочем, надо заметить, что и сама сервильная поэзия отнюдь не была чем-то единым, «монолитным».

Явно отделяя себя от рядовой «паразитствующей» братии, поэтов-«льстителей», Василий Петров сделал попытку поставить проблему на некое подобие принципиальной почвы — обосновать общественную пользу отношений меценатства — сервилизма. В его «Оде. . . Г. А. Потемкину» 1777 г. щедрость мецената (Потемкина) противопоставлена как бессмысленной расточительности, так и эгоистической скупости:

Роскошный злато расточает
И тщится угостить весь мир;
Чрез ложный блеск быть виден чаёт
На время льстителей кумир.
Скупой, душа в серебре зарыта,
Все жрет в себя, как хлябь несyta,
Как ад, не отдающий жертв,
Рodne, друзьям и свету мертв.
Сокровищница мужа щедра
Стоит отверста, как самой природы недра.
Видь, коль Потемкина ни дарствует рука,
Он полон как река!

Этот пассаж отнюдь не случаен у Петрова, который и впоследствии отделял себя от поэтов — «наемников вельмож»:

Поют для мзды и лести
Наемники вельмож;
Их грудь не знает чести:
Их песни безобразна ложь.
Ты, Кляя, что вещаешь,
То в сердце ощущаешь. . .

Сервилизм мог приобретать различные, в том числе и весьма тонкие формы. Более того, в угоду своему меценату поэт порою

¹⁵ Как известно, в прозе Радищев именовал двух великих поэтов Древнего Рима еще более резко: «льстец Августов и лизорук Меценатов».